

Х. Н. Момджян

Сильвен Марешаль

Сильвен Марешаль, поэт, философ-атеист, крупный публицист эпохи французской буржуазной революции конца XVIII века, один из теоретиков и певцов революционного бабувизма, принадлежит к числу тех, которые преданы забвению буржуазной историографией.

Литература о Марешале чрезвычайно бедна. Нет о нем не только монографических работ, но даже ни одной сколько-нибудь обстоятельной и серьезной статьи, правдиво рисующей облик Марешала и дающей анализ его творчества.

Писатели из буржуазно-клерикального лагеря вспоминали Марешала лишь с тем, чтобы еще раз лягнуть „нечестивца“ и „развенчать“ в его лице „мятежный материализм и атеизм“. Значительная часть той сравнительно небольшой литературы, которая имеется о Марешале, написана в резко враждебном по отношению к философу духе.¹

¹ Еще при жизни Марешала в 1802 году против недавно вышедшего „Словаря атеистов“ выступил J. de l'Isle de Sales. Последний в своей работе „Memoire en faveur de Dieu“ попытался дать систематическое опровержение работы Марешала. Претенциозная книга J. de l'Isle de Sales пыталась опровергнуть материализм и атеизм Марешала ссылкой на тексты из „Священного писания“. Для большей „научной“ убедительности автор пытался запугать публику. С выходом „Словаря атеистов“, писал он, „... все друзья гражданского мира почувствовали себя на один миг возвращенными в царство презренной анархии времен Анаксагора Шоммета и „Отца Дюшена“ (Memoire en faveur de Dieu. Par J. de l'Isle de Sales. Paris 1802, p. 245).

С течением времени реакционерам удалось до такой степени очернить Марешала, что в 1831 году, когда Жермон решился переиздать „Словарь атеистов“, то он был вынужден в предисловии к этой работе оговорить, что „появление „Словаря атеистов“ ныне не может поколебать религию и общество, ибо она есть не более как плод сумасбродного воображения (см. предисловие „Dictionnaire des athées anciens et modernes par Sylvain Maréchal. Deuxième édition. Bruxelles 1833, p. 17).

В 1837 году Дамирон в книге „Memoire sur Naigeon et accesoirement sur Sylvain Maréchal et Delaland“ уделил 15—20 страниц Марешалю. Убежденный враг материализма Дамирон пытался представить Марешала как экзальтированного и неуравновешенного человека, который не философ, а „скорее маньяк, маньяк атеизма“ (Damiron. „Memoire sur Naigeon etc.“).

Найдя в „Словаре атеистов“ Марешала несколько мнимых и действительных ошибок фактического порядка, Дамирон „уничтожает“ автора книги, „изобличая“ его в легкомыслии и извращении исторической правды.

Даже в тех скудных строках, которые посвящались Марешалю в энциклопедических и биографических словарях, реакционеры считали своим долгом опозорить имя

Литература, сообщающая более или менее достоверные, не тенденциозные сведения о Марешале, чрезвычайно бедна. Здесь в первую очередь нужно назвать воспоминания приятельницы Марешаля Гаскон Дюфур, помещенные в качестве предисловия к книге Марешаля „De la vertu“,¹ и предисловие друга Марешаля, астронома Лаланда к первому изданию „Словаря атеистов“. В своих воспоминаниях Дюфур сообщает ряд интересных данных, характеризующих Марешаля как человека и писателя. Но как в этих воспоминаниях, так и в статье Лаланда очень мало сведений о деятельности Марешаля в период французской революции и совершенно обойден молчанием вопрос об участии Марешаля в бабувистском движении.

Несколько страниц о социальных взглядах Марешаля можно найти в работах Лихтенберже² и в книгах по истории бабувистского движения.

В русской литературе Марешаль почти неизвестен. Из работ философа в начале XIX века была переведена его многотомная работа — „Путешествие Пифагора“. Сравнительно недавно были переведены и изданы отдельные места „Французского Лукреция“ и предисловия к „Словарю атеистов“. Несколько страниц о Марешале имеются в „Истории атеизма“ И. П. Вороницина.

Источниками нашей работы почти исключительно явились работы самого Марешаля. Из литературного наследства философа (около 50 книг и брошюр) в книгохранилищах Москвы и Ленинграда нам не удалось найти три названия — „*Dame Nature a la barre de l'Assemblée Nationale*“, „*Correctif a la gloire de Bonaparte, ou lettre a général*“ и автобиографического характера статью Марешаля в „*Recueil des chefs d'oeuvre de poésies philosophiques de 18-e siècle*“.

Из газетных статей нам не удалось использовать статьи Марешаля из „*Topneau de Diogène ou les révolutions de clergé*“.

Литературное наследство Марешаля чрезвычайно разнообразно по своему характеру — исторические исследования, литературно-художественные произведения: стихи, поэмы, романы, комедии, социально-политические произведения, публицистические статьи, работы по истории религии и т. д.

вонистствующего материалиста. Так, в *Biographie Universelle* Марешаль характеризуется как „один из самых наглых софистов XVIII века“ (*Biographie Universelle* (Michaud), т. XXVI, p. 517).

Следует указать также на работу Коллин де Планси. Последний в своей работе „*Legendes de l'autre Monde*“ уделит Марешалю несколько страниц, полных самых невероятных инсинуаций и измышлений.

К числу враждебной по отношению к Марешалю литературе принадлежит также книжка А. Fusil, вышедшая в Париже в 1936 году: „*S. Maréchal ou l'homme sans Dieu*“. Если более ранние противники Марешаля брали под удар его материалистическое и атеистическое учение, то Fusil главным образом попытался „развенчать“ коммунистические взгляды Марешаля.

¹ De la vertu. Par S. Maréchal, Paris 1807, pp. 1—72.

² *André Lichtenberger*. Le socialisme et la Révolution française, Paris 1899.

Не преследуя задачи всестороннего освещения жизни и деятельности Марешаля, мы ставим перед собой два вопроса: оценку деятельности Марешаля как одного из теоретиков бабувизма и изложение его философско-атеистических взглядов.

*
* *

Пьер Сильвен Марешаль родился в 1750 г. в Париже. Отец Марешаля был коммерсантом и намеревался сделать коммерсантом и своего сына. Но молодой Сильвен меньше всего думал посвятить себя коммерческой деятельности.

После окончания средней школы он поступил на работу в библиотеку Мазарини. Здесь, в царстве книг, он запоем прочитывал одно произведение за другим и приобретал ту исключительную эрудицию, которая в дальнейшем поражала всех знавших Марешаля.

Литературное творчество Марешаля начинается с 1770 г. изданием стихов и рассказов.¹ В этих беспомощных в художественном отношении произведениях Марешаль воспевает природу, идеализирует пастушескую жизнь, пастушескую любовь, длинно и утомительно морализирует о добре и добродетели.

Стихи Марешаля, написанные в духе анакреонтической лирики, как по форме, так и по содержанию не оказывали заметного влияния на общественную и литературную жизнь предреволюционной Франции. Они носят чисто светский характер. Поэт абсолютно индифферентен к религии. Моральные максимы его не опираются на религию, но если внимательно приглядеться к ним, то окажется, что проповедь абстрактной гуманности немногим отличается от евангельской морали.

В работах Марешаля, относящихся к первому периоду его деятельности, не заметно следов оппозиционности по отношению к феодальному строю, к королевскому деспотизму. Марешаль преспокойно еще восхваляет королеву Марию-Антуанетту и посвящает ей свои стихи.

Однако такой впечатлительный и мыслящий человек, как Марешаль, не мог долгое время забавляться сочинением безобидных любовных од и пастушеских элегий. Франция быстро приближалась к революции. Феодально-абсолютистский строй, обреченный на гибель всем ходом исторического развития, делал лихорадочные попытки отстоять свое существование. Парижский парламент с остервенением сжигал одну опасную книгу за другой. Тюрьмы наполнялись врагами феодального режима. Королевская власть пыталась репрессивными мерами терроризовать третье сословие, его идеологов, но все было тщетно. Идеи Вольтера, Руссо, Дидро, Гольбаха и других революционных мыслителей буржуазии, вырвавшиеся из стен салонов, становились достоянием масс.

¹ „Bergeries“, „Le temple de l'hymène dédié à l'amour“, „Essais de poésies légères, suivies d'un songe“, „Chansons anacréontiques du Berger Sylvam“, „Bibliothèque des amans, odes érotiques“ и т. п.

Эти передовые идеи века давали программу действия, вдохновляли и организовали третье сословие для сокрушения королевской власти, для разгрома господствующих сословий—духовенства и дворянства.

Это мощное революционное движение не могло не увлечь и Марешаля. Восторгаясь горами, долинами и реками, Марешаль должен был заметить разящий контраст между величественной природой и жалкой жизнью людей. Французская деревня медленно вымирала под ужасающим гнетом феодальных повинностей. Голод становился постоянным гостем в крестьянских хижинах.

Периодические голодовки и эпидемические заболевания косили нищую и голодную французскую деревню.

„Девственно-чистая“ деревня выглядела в действительности страшной и уродливой. Руссо писал о ней: „Истощенные лошади, издыхающие под ударами; жалкие крестьяне, изнуренные голодом, надломленные усталостью и одетые в лохмотья, развалившаяся деревушка,—все это представляет глазу печальное зрелище“.

Не легче было положение в городах. В Сеп-Антуанском предместье Парижа ежемесячно умирали от голода сотни людей.

В этих условиях лира Анакреона была самым глухим и незвучным инструментом. Лирика Анакреона должна была отступить перед натиском идей Вольтера, Дидро, Гельвеция и в особенности Руссо.

Начинается новый период в творчестве Марешаля. Поэт с огромным интересом читает Руссо. Под идейным влиянием „женевского гражданина“ он пишет целый ряд произведений, где отстаивает учение о свободе и равенстве граждан, разоблачает деспотизм и прославляет мечту о народовластии.

Новые чувства и идеи волнуют поэта. Он желает превратить свою поэзию в орудие борьбы. В своем „Призыве к поэту“ он пишет: „Лучше разбить свою лиру, чем посвятить ее честолюбию и низкой лести. Пусть твоя муза никогда не станет соучастницей тирании и не пытается покрывать цветами цепи, которые куются тираном для твоих сограждан. Пусть любовь к родине и истине, как священный огонь в глубине твоего сердца, вечно вдохновляет и воспламеняет тебя“.¹

В другом месте Марешаль пишет, что, prostituiруя свою лиру, он сумел бы добиться покровительства и уважения со стороны богатей, но предпочитает тернистый путь борьбы за правду и добродетель. Руссо становится кумиром Марешаля. На смерть величайшего революционного мыслителя эпохи Марешаль в 1779 г. пишет прочувствованный некролог в стихах („Le tombeau de J. J. Rousseau“). Он оплакивает Руссо как верного друга угнетенного человечества. Руссо, пишет поэт, есть знамя свободы. Обращаясь к массам, он следующим образом характеризует автора „Общественного договора“:

¹ „Le livre de tous les âges ou le Pibrac moderne“. 1779, pp. 189—190.

„Народ, он посвятил тебе свое жгучее красноречие. Его перо ответило за тебя богачам и вельможам“.¹

В работе „Le livre de tous les ages ou le Pibrac moderne“, написанной в духе руссоизма, Марешаль гневно бичует деспотизм и аристократию. „Не ищите,—пишет он,—достоинства в среде привилегированных. Оно может оказаться в их среде лишь по недоразумению или случайности“²... Богатство и роскошь, говорит Марешаль, находятся в руках тех, которые не работают. Народ—источник всех благ, но, однако, он лишен всего. „Что станет с этими бесплодными дворянами,—многозначительно вопрошает Марешаль,—если народ, который кормит этих господ, откажется представить в их распоряжение свои трудолюбивые, созидательные руки“?³ Марешаль смело защищает идею уничтожения абсолютизма. Он обосновывает необходимость ограничения королевской власти. Король, согласно Марешалю, должен быть подчинен законам страны. „Тот, кто царствует,—пишет Марешаль,—должен быть рабом национального кодекса. Он должен дать отрубить свою голову, если таково требование закона...“ Через два года Марешаль идет значительно дальше.

В известной своей работе „Fragment d'un poeme morale sur Dieu“ (1781) он вплотную подходит к республиканской идее, открыто провозглашает и отстаивает право народа на революцию, на свержение монархического строя.

Обращаясь к королям, он заявляет:

„Ваши права священны до тех пор, пока счастлив народ. Вы получаете свои права не от бога, а от народа...“

Ваши подданные в момент отчаяния могут занести свои руки на ваши священные головы, завладеть короной и вернуть себе свои права“.

Как бы предвидя 1793 г., Марешаль пророчески восклицает:

„Придет, придет тот день, когда вы, монархи,
без свиты, без побрякушек предстанете
перед трибуналом законов, и народы
станут судить своих королей“.

В анонимной работе „Livre échappé au déluge“ („Книга, спасшаяся от потопа“), написанной в 1784 г., Марешаль заявляет, что сыны матери-природы все рождены равными и свободными и что они спокойно могут обойтись не только без злых, „но даже и без добрых королей“.⁴

Отвергая иллюзии о добрых и просвещенных королях, Марешаль заявляет: „Никогда короли не сделают людям столько добра, чтобы заставить их позабыть, что некогда все были равны“.⁵

¹ „Le tombeau de J. J. Rousseau“. Stances. MDCCLXXIX. Paris, p. 4.

² „Le livre de tous les ages ou le Pibrac moderne“, p. 8.

³ Ibid., p. 48.

⁴ „Livre échappé au déluge“, p. 49.

⁵ Ibid.

„Люди не могут иметь других владык, кроме своих отцов“.¹

Таким образом, Марешаль—в числе тех одиночек, составляющих исключение в среде просветителей и политических деятелей, которые отстаивали республиканские идеи еще до революции 1789 г. Значение этого факта трудно переоценить, если вспомнить, что такие деятели, как Робеспьер и Марат, пришли к идее республики лишь в процессе самой революции.

Замечательно, что Марешаль уже на данном этапе своего развития, в отличие от многих других просветителей XVIII века, не ограничивается нападками на двор и аристократию. Он бичует и „бесстыдных богачей“, „аристократов без фамильных гербов“, которые живут за счет чужого труда. Он ополчается против крупной буржуазии, против всемогущей власти золота.

„Есть один бог,—иронически пишет Марешаль,—для которого возможно все. Его редкие добродетели признаются всеми смертными. От скипетра до пастушеского посоха—все и всюду славят этого бога, являющегося отцом всех богов. Он имеет также своих мучеников и совершает чудеса. Одно его присутствие заставляет своих пророков то молчать, то говорить. Тот, кто соприкасается с его алтарем, излечивается от всех своих недугов; облаченный его милостями перестает быть порочным. Наиболее любимые его фавориты могут без зазрения совести делать все. Этот бог не имел ни одного неверующего в него. Все безуданно славят это божество. Добродетель, таланты и даже красота получают свою силу от него. Без него они мало что из себя представляют. Он первопричина всего сущего! Без него человек еще и теперь был бы ничем... На колени, смертные! Этот бог—золото“.²

Мечта о социальном строе, где нет богатых и бедных, угнетателей и угнетенных, где единственной властью является власть отца над своим семейством, в более или менее отчетливой форме пронизывает почти все работы Марешаля, начиная с 1777 г.

В этих работах Марешаль утверждает, что идеальное человеческое общество, где нет социального неравенства и социального гнета, имело уже реальное существование в виде „Золотого века“, воспетого поэтами античного мира. Задача человечества,—пишет Марешаль,—заключается в том, чтобы вновь, через века цивилизации вернуться назад к „Золотому веку“.

Наиболее отчетливо и резко высказался Марешаль против социального неравенства накануне революции, в 1789 г., в работе „Premières leçons du fils aîné d'un roi par un Député présomptif aux futurs Etats-généraux“ („Первые уроки старшего сына короля, данные одним вероятным депутатом будущих Генеральных штатов“).

Эта работа была написана сейчас же после того, как королевский двор, желая предотвратить грядущую катастрофу, решил со-

¹ „Livre échappé au déluge“, p. 80.

² „Fragment d'un poème morale sur Dieu“, p. 28..

звать Генеральные штаты. В „Первых уроках“ Марешаль открыто нападает не только на феодальный строй, но и на социальное неравенство вообще.

„Хаос,—пишет он,—который якобы предшествовал творению земли, ничто по сравнению с хаосом, который господствует ныне на поверхности земного шара, и ад загробной жизни, которым мне угрожают, не может быть хуже, чем жизнь, которую ведут в обществе свободные и равные люди, являющиеся в действительности на $\frac{3}{4}$ рабами и на $\frac{1}{4}$ господами“.¹

Еще до революции Марешаль, говоря о равенстве, вкладывает в это понятие более радикальное содержание, чем это делали многие из якобинцев 1793—1794 гг. Опережая вождя „бешеных“, Жака Ру,² Марешаль утверждает, что при наличии в обществе богатых и бедных, сытых и голодных свобода может стать лишь формальным понятием. „Нас трое против одного,—пишет Марешаль,—нашим намерением является восстановление на земле тех порядков, которые некогда существовали, т. е. наиболее совершенного и наиболее законного равенства... Сделаем землю общим достоянием всего населения. Если найдется среди нас человек, который имеет два рта и четыре руки, было бы совершенно справедливо давать ему двойную порцию еды; но если все мы созданы по одному образцу, то давайте делить пирог поровну, и пусть каждый приложит руки к тесту...“.³

Марешаль вполне отдавал себе отчет, что его идеал социального равенства, уничтожение паразитического существования одних людей за счет других, превращение земли в общее достояние всего народа, не может быть осуществлен в современную ему эпоху. „Все то,—восклизал Марешаль,—что я пишу по этому вопросу (по вопросу о социальном равенстве.—Х. М.), является не более, как сказкой в данную эпоху, но я утверждаю, что оно станет современным действительностью“.⁴

Нужно ответить на один существенный вопрос: как мыслил себе Марешаль уничтожение социального неравенства? Ставил ли он вопрос об уничтожении частной собственности?

Внимательное изучение работ Марешаля показывает, что он, продолжая оставаться на позициях руссоевского эгалитаризма, не поднимал вопроса об уничтожении частной собственности. Напротив,

¹ „Premières leçons du fils aîné d'un roi“. A Bruxelles, p. 91.

² Мы имеем в виду знаменитое выступление Ру 29 июня 1793 г. на заседании Парижской коммуны, где он заявил: „Какая это свобода, если один класс людей может заставить голодать другой? Какое это равенство, если богачи посредством своей монополии пользуются правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных?“

³ Ibid., pp. 34—35.

⁴ Ibid., p. 35.

Марешаль рассматривает право на собственность как „священное право“ и считает его основой общественных законов.

„Уважайте,—писал он,—хижину, где бедняк живет свободно. Никогда не нападайте на право собственности.“

Священная даже для королей, она поддерживает равновесие законов общества¹.

Задача, по мнению Марешаля, заключается в том, чтобы заново перераспределить собственность (в первую очередь земельную) и сделать людей владельцами равных благ. Таким образом, предреволюционный Марешаль был сторонником мелкобуржуазного эгалитаризма. Но нельзя забывать, что мелкобуржуазное понимание равенства, столь реакционное в наше время, накануне французской буржуазной революции было требованием наиболее передовых, радикальных слоев французского общества.

„Идея равенства мелких производителей,—писал Ленин,—реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач“².

Заканчивая изложение социально-политических взглядов предреволюционного Марешаля, следует отметить, что он не был ортодоксальным руссоянцем.

Неоспоримо, что в области социально-политических вопросов Марешаль следует за Руссо и в этом отношении является учеником и последователем „женевского гражданина“. Но наряду с этим между учителем и учеником имеется существенное расхождение. Руссо—идеалист и сторонник деистической религии, в то время как уже до революции Марешаль—сторонник материалистической философии и воинствующий атеист.

Сочетание социально-политической концепции Руссо с материалистической и атеистической философией Дидро, Гольбаха и в особенности Мелье является отличительной особенностью мировоззрения предреволюционного Марешаля. Эта особенность делает фигуру Марешаля весьма оригинальной и в своем роде единственной в среде видных деятелей французского просвещения. К характеристике материалистических и атеистических взглядов Марешаля мы вернемся во второй части нашей работы.

* * *

Французская буржуазная революция 1789 г. не явилась для Марешаля неожиданным событием. Он ждал этой революции, предви-

¹ „Le livre de tous les ages ou le Pibrac moderne“, p. 9.

² В. И. Ленин. Соч., т. XI, стр. 187.

дел ее, боролся за ее победу. Марешаль восторженно приветствовал наступление "царства разума", но очень скоро понял, что пришедшая к власти крупная буржуазия меньше всего заинтересована в возврате к "Золотому веку", к установлению подлинной свободы, равенства и братства.

С первого же дня переворота он оказался в рядах наиболее радикальных революционных элементов. В январе 1790 г. Марешаль издает газету *"Tonpeau de Diogène ou les révolutions du clergé"*, которая после 33-го номера была закрыта.

В сентябре 1790 г., после смерти Лустало, Марешаль становится фактическим редактором одной из самых влиятельных газет эпохи французской революции — *"Révolutions de Paris"*. Издателем и официальным редактором газеты был Жак Приудом, человек достаточно бесцветный, но вместе с тем настолько тщеславный, что не разрешал своим сотрудникам подписывать свои статьи. Это ограничение распространялось и на Марешаля. Ни одна из его многочисленных статей не была им подписана. А эти именно статьи создавали славу газете, завоевывали для нее авторитет в глазах масс, оказывали огромное влияние на ход политических событий.

Из номера в номер Марешаль в своих статьях нападал на половинчатую политику буржуазного Национального собрания. Он отлично понимал, что заседавшие в Национальном собрании представители крупной буржуазии боятся дальнейшего углубления революции, боятся революционной инициативы народных масс, пытаются отстранить массы от вмешательства в политическую жизнь. Разоблачая антинародную политику Национального собрания, Марешаль пытается содействовать росту классового самосознания эксплуатируемых, внушить им бодрость и уверенность в свои силы. Обращаясь к крестьянам, он пишет:

"Революция не может делаться без вас, без вашего одобрения".¹

С начала 1791 г. Марешаль открыто отстаивает мысль о необходимости совершения второй революции, которая должна не на словах, а на деле осуществить принципы свободы и равенства.

Республиканец Марешаль требует в первую очередь упразднения монархического правления.

"Граждане,— пишет он в одном из номеров *"Révolutions de Paris"*, — нам необходима вторая революция. Мы не обойдемся без новой революции; первая уже позабыта, и мы имели до сих пор лишь предвкушение свободы. Свобода ускользнет от нас, если мы ее не закрепим. Нужно сдерживать и разбивать уже не духовенство и аристократию; на Людовика XVI и его министров должны мы перенести наш преобразующий взор".²

Однако новая революция не должна ограничиться упразднением королевской власти. Ее основная задача заключается в том, чтобы

¹ *"Révolutions de Paris"*, 1790, № 75.

² *Ibid.*, 8, p. 540.

обеспечить фактическое равенство людей, перераспределить собственность, сделать всех людей одинаково счастливыми и зажиточными.

Эту мысль Марешаль отстаивает в целом ряде своих статей.

„Бедняки,—пишет он,—совершили революцию, но они не извлекли из нее выгоды, так как и после 14 июля 1789 г. они находятся почти в таком же положении, как и до 14 июля”.¹

Марешаль ставит вопрос о необходимости осуществления аграрного закона, т. е. равного перераспределения земли.

„Богачи,—пишет он,—согласитесь добровольно принять аграрный закон. Пусть новый кадастр... осуществит; наконец, столь торжественно провозглашенную конституцию, которая признает всех людей равными”.

Наиболее ярко социально-политические взгляды Марешаля в начальный период революции изложены в его работе „*Dame Nature a la barre de l'Assemblée Nationale*”, изданной в 1791 г.

Выступая в Национальном собрании, Природа говорит депутатам: „Вы упразднили некоторые отвратительные и возмутительные различия, которые существовали между людьми. Вы осмелились провозгласить людей свободными и равными. Среди 25 миллионов людей, смелыми представителями которых вы являетесь, я вижу изменения разве лишь в одеяниях. Их нравы остались прежними, никакого улучшения в их общественном поведении, в их частной жизни. Как и прежде, я вижу две совершенно различные касты—бедных и богатых. Как и прежде, несмотря на торжественную декларацию прав человека, я вижу везде господ и слуг. Мощная стена разделяет тех, которые имеют много, от тех, которые имеют недостаточно. Когда исчезнет среди вас это оскорбительное и прискорбное разделение, тогда лишь я поверю вашим прекрасным декретам и эффективности ваших усилий”.²

Природа указывает на необходимость упразднения паразитических каст дворянства и духовенства, перераспределения всех благ среди семейств пропорционально количеству членов.

„Я не люблю королей,—заявляет Природа,—но еще меньше люблю богачей. Неравенство собственности для меня еще более противно, чем неравенство сословное”. С трибуны Национального собрания Природа призывает к новой революции.

„Я утверждаю,—говорит она,—что революция еще не совершена”.

И на данном этапе взгляды Марешаля не носят еще коммунистического характера. Он требует не упразднения частной собственности, а лишь наделения каждого гражданина равной собственностью. Эти мысли являлись настолько мятежными, что Марешаль был вынужден предусмотрительно скрыть свое авторство. „*Dame Nature*” вышла

¹ „*Révolutions de Paris*”, 1790. № 75. См. ст. Марешаля „*Les pauvres et les riches*”.

² „*Dame Nature a la barre de l'Assemblée Nationale*”. Цит. по книге А. Lichtenberger „*Le socialisme et la Révolution française*”.

анонимно, а на страницах „*Révolutions de Paris*“ Марешаль свою позицию должен был прикрывать доброй порцией благочестивых рассуждений о недопустимости насильственных приемов борьбы за осуществление аграрного закона, о бескровной революции и т. д.

После 10 августа 1792 г., когда была свергнута королевская власть и во Франции установился республиканский строй, Марешаль оказался в рядах левых якобинцев. По своим социально-политическим взглядам Марешаль стоял очень близко к группе „бешеных“ и полностью симпатизировал антирелигиозной политике Парижской коммуны, с руководителями которой — с Шометтом и Эбром — был в дружеских отношениях.

Как якобинец, он боролся против Жиронды, против жирондистского федерализма, отстаивая необходимость введения максимума. Марешаль был безоговорочным сторонником казни Людовика XVI. Падение Жиронды он приветствовал как необходимое условие дальнейшего углубления революции.

В эпоху решительных схваток Французской республики с коалиционными силами интервентов Марешаль развил кипучую деятельность революционного журналиста. Он писал статьи, полные энтузиазма и оптимизма, призывал защитников родины к бдительности и беспощадному уничтожению внешних и внутренних врагов революционной Франции.

Помимо журналистской деятельности, Марешаль в эпоху якобинской диктатуры был занят плодотворной работой. Его следует считать одним из основоположников революционной драматургии. Он написал целый ряд революционных пьес, среди которых особой популярностью пользовалась пьеса „Последний суд над королями“.¹ Между прочим, в этой работе Марешаль пропагандировал идею мировой революции и братского объединения народов всего земного шара.

Весьма важно выяснить отношение эгалитариста Марешаля к социально-экономической политике якобинской диктатуры. Нетрудно догадаться, что он весьма восторженно приветствовал все мероприятия Национального конвента, которые были заострены против крупной буржуазии и, как казалось Марешалю, преследовали задачу постепенного уничтожения социального неравенства. Но скоро Марешаль понял, что робеспьеристы далеки от мысли уравнивания граждан в их имущественных правах. Продолжая отстаивать все мероприятия Национального конвента и политической линии Робеспьера, Марешаль одновременно в 1793 г. анонимно издает свою интересную работу „*Correctif à la révolution*“, в которой подвергает с левых позиций принципиальной критике не только феодальный, но и буржуазный строй времен якобинской диктатуры.

¹ „Le jugement dernier des rois“, Paris. L'an second de la République française une et indivisible.

Вновь и вновь Марешаль утверждает, что революция еще не совершена, ибо старый социальный порядок, основанный на имущественном неравенстве людей, не погиб, а переменял лишь свою форму существования.

„Революция не совершена,—пишет Марешаль,—ибо она еще существует только в умах. Это, конечно, много, но не настолько, чтобы быть достаточным. Мы бросили в огонь королевский скипетр, розги духовенства и дворянские грамоты. Это очень хорошо, но революция все же существует только в словах и в теории. Она фактически еще не осуществилась. Свобода человека, равенство—объект желания всех патриотов—права человека, обязанность граждан, все эти слова знакомы нам, все это мы знаем наизусть, даже младенцы лепечут их. Но люди в действительности пользуются ли этими правами и осуществляют ли их с точностью? Стали ли мы более счастливы? Увы, нет! А почему нет? Потому, что мы не стали лучше, а не стали лучше по той причине, что мы не сообразуем наше поведение и наши привычки соответственно нашим принципам“.¹

Марешаль заканчивает свои рассуждения следующим четким и недвусмысленным выводом.

„Пока будут существовать господа и слуги, бедные и богатые... не может быть свободы, не может быть равенства. Нет, революция ничуть не совершена“.²

По глубокому убеждению Марешаля подлинное возрождение человечества связано с уничтожением социального неравенства. Люди, утверждает он, не злы от природы, они становятся таковыми по причине господства правового и имущественного неравенства.

„Неравенство условий жизни и богатств—эта база гражданского общества—является причиной зла в цивилизованном обществе“.³

В названной работе Марешаль изложил свои идеалы человеческого общежития, где основной ячейкой социальной жизни должна быть семья.

Глубоко разочарованный буржуазной республикой, Марешаль утверждает, что она не менее деспотична, чем монархия. В утопическом обществе Марешаля не должно быть государства,—никакой власти, кроме власти отца над членами своего семейства.

Вся земля поровну разделена между семьями. Каждое семейство представляет собой замкнутое натуральное хозяйство. Оно производит столько, сколько нужно для своего потребления, и не вступает ни в какое хозяйственное общение с другими семьями.

Социальная утопия Марешаля, будучи выражением резкого протеста против буржуазного строя—против эксплуатации человека человеком, включает в себя одновременно чрезвычайно реакционные мысли. Утопист Марешаль выступает по существу против всякой совместной

¹ „Correcif a la révolution“, Paris 1793, pp. 306—307.

² Ibid., p. 307.

³ Ibid.

деятельности людей, не принадлежащих к одной и той же патриархальной семье. Марешаль выступает против культуры, ибо находит, что культура усугубляла фактическое неравенство людей. Некоторые остатки этих реакционных идей мы в дальнейшем встретим в „Манифесте равных“, написанном бабувистом Марешалем.

Гибель „бешеных“ и эбэртистов заставила Марешаля скрывать свои взгляды и даже „отмежевываться“ от своих погибших единомышленников и друзей.

В марте 1793 г. Марешаль впервые познакомился с Бабефом.

С жерминаля II года Бабеф, много перенесший от ложных обвинений своих политических врагов, обращается с письмом к Марешалю, где пишет: „Тот, кто обращается к вам с этим письмом, является гражданином, патриотом, который подавлен несчастьем. Он видел в ваших писаниях сострадание к несчастьям других. Стало быть, он знает заранее, что вы будете тронуты его печальным положением“.¹

Далее Бабеф описывает все свои злоключения и заканчивает письмо следующей просьбой: „Добейтесь, брат мой, для меня разрешения у Прюдома на работу в типографии. Я буду получать у него столько, сколько я реально заработаю“.²

Марешаль исполнил просьбу Бабефа. Последний стал работать в „Révolutions de Paris“, но вскоре его вновь арестовали. Марешаль не покинул Бабефа и приложил много усилий для его освобождения.

Письмо Бабефа к Марешалю от 28 февраля 1794 г. свидетельствует об идейном единстве взглядов, которое установилось между этими деятелями.

Прочитав работу Марешаля „Dieu et les prêtres, fragments d'un roeime philosophique“, Бабеф восторженно писал автору, что он с огромным удовлетворением прочитал его труд. „Я вновь его прочту,— писал Бабеф,—я дам его прочитать сыну... он воспитан в духе этой доктрины... Я представляю его экстаз и заранее наслаждаюсь его восторгом при виде нового катехизиса, который вместо обмана будет показывать людям и заставит их видеть истину...“⁴ Восторженный отзыв Бабефа о работе Марешаля не является случайным, если помнить, что в вышеназванной работе Марешаль весьма отчетливо излагал свои взгляды о переустройстве жизни на началах социальной справедливости. Эти мотивы были близки и дороги сердцу Бабефа, который уже в рассматриваемый период в основном выработал свои коммунистические принципы.

Между Бабефом и Марешалем установился тесный контакт.

И тот и другой, до известного времени не распознавшие контрреволюционного характера термидорианского переворота, приветствовали падение Робеспьера. Как и Бабеф, Марешаль писал полные ненависти

¹ Victor Auvill. Histoire de Gracchus Babeuf et de babouvisme, Paris 1884, p. 103.

² Ibid.

³ Одно из изданий поэмы Марешаля „Lucrèce française“.

⁴ Цит. по работе: Fusil, S. Maréchal ou l'homme sans Dieu, p. 151.

статьи о павшем „тиране“, расценивал якобинскую диктатуру как покушение на народный суверенитет, как уничтожение демократических свобод и т. д.

Но эти заблуждения не могли долго устоять. Очень скоро термидорианская контрреволюция начала показывать свое истинное лицо. Вполне понятно, что такие люди, как Бабеф и Марешаль, должны были выступить.

За неимением биографических данных трудно сказать, какую роль сыграл Марешаль в движении 12-го жерминаля III года и парижского восстания 1-го прериаля. Неизвестна также деятельность Марешаля в клубе Пантеона. Но что тесные связи между Бабефом и Марешалем продолжали существовать, — это бесспорно.

„Квартиры Феликса Лепеллетье, Рейса и Кьера, — свидетельствует Буонарроти, — служили одна за другой убежищем Бабефа; здесь он получал поддержку и помощь от Антонелли, Буонарроти, Симона Дюплея, Дартэ, Дидье, Жермена, Сильвен Марешаля и Бодсона“.¹

Как сообщает Буонарроти, еще до создания повстанческого движения „Бабеф, Феликс Лепеллетье и Сильвен Марешаль составили тайный союз, имевший вначале только одну цель: определять темы и характер своих политических сочинений“.²

В дальнейшем эта организация переросла в центр по организации восстания против директории.

„В первые дни жерминаля (IV года. — Х. М.), — пишет Буонарроти, — Бабеф, Антонелли, Сильвен Марешаль и Феликс Лепеллетье организовались в „Тайную директорию общественного спасения“ и приняли благородное решение связать воедино разрозненные нити демократии для единообразного руководства ими в целях восстановления народного суверенитета. Первой заботой этой директории являлась мысль объединить и взять под свое начало всех друзей свободы и подсчитать свои силы и настроить их в пользу всеобщего просвещения и освобождения. При этом все внимание было направлено на то, чтобы не скомпрометировать изменою или неосторожностью как само дело, так и причастных к нему лиц“.³

По поручению тайной директории Марешаль написал знаменитый „Манифест равных“, который является одним из основных теоретических документов революционного бабувизма.

В этом историческом манифесте были изложены основные принципы бабувистского движения. „Манифест“ провозглашал:

„Равенство! Первое требование природы, первая потребность человека и основное звено всякого законного товарищества. Французский народ! Тебе повезло не больше, чем другим народам, прозябающим на этом злосчастном земном шаре. Всегда и везде бедный чело-

¹ Ф. Буонарроти, Гракх Бабеф и заговор равных, М.-П., 1923, стр. 67.

² Там же, стр. 67—68.

³ Там же, стр. 68.

веческий род, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой всяческому честолюбию, пищей всяческой тирании. Всегда и везде людей убаюкивали красивыми словами; но никогда и нигде не получали они вместе со словом дела".¹

Марешаль критикует буржуазно-ограниченное понимание равенства. Французская революция, — заявляет он, — ограничилась лишь провозглашением формального равенства, равенства людей перед законом. Французская революция сохранила имущественное неравенство, — вот почему она явилась односторонней, ограниченной революцией, вот почему необходима новая революция.

„Французская революция, — пишет Марешаль, — только предтеча другой, более великой и величественной революции, которая будет уже последней.

Народ раздавил объединившихся против него королей и священников; то же будет и с новыми тиранами и новыми политическими лицемерами, усевшимися на место старых. Черг еще надо нам, кроме юридического равенства? Нам нужно это равенство, не только записанное в декларации прав человека и гражданина; мы хотим, чтобы оно было среди нас, под кровлей наших жилищ".²

Все эти утверждения не новы для Марешаля. Мы их встречали в более ранних его произведениях. Но вот далее идут мысли, которые свидетельствуют о качественно новом этапе в развитии мировоззрения Марешаля, знаменуют собой переход Марешаля с позиции руссоистского эгалитаризма к коммунизму. Этот переход был обусловлен дальнейшим ухудшением положения пролетарских и полупролетарских элементов, выражением глубочайшего разочарования угнетенных масс итогами буржуазной революции. Бесспорно также идейное влияние коммуниста Бабефа на развитие эгалитаризма Марешаля.

Итак, если раньше осуществление фактического равенства мыслилось Марешалем как наделение всех граждан одинаковой собственностью, то сейчас он презрительно отвергает аграрный закон и ставит вопрос об уничтожении частной собственности.

„Аграрный закон или земельный передел, — пишет Марешаль, — был минометным желанием некоторых беспринципных солдат, некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом. Мы стремимся к более высокой и более справедливой цели, а именно, к *коллективной собственности*. Долой частную собственность на землю, земля — ничья. Мы требуем и желаем общего пользования земными плодами: эти плоды принадлежат всем.

Заявляем! Мы не можем дольше терпеть, чтобы подавляющее большинство людей трудилось в поте лица своего ради выгод и удовольствия незначительного меньшинства".³

„Манифест не скрывал, что осуществление специального переу-

¹ Ф. Буонапарти. Грахх Бабеф и заговор равных, 1923, стр. 70.

² Там же, стр. 70—71.

³ Там же, стр. 71.

стройства общества мыслимо лишь методами революционного насилия.

«... мы намерены жить и умирать равными, какими мы родились; мы желаем или действительного равенства, или смерти; вот чего нам надо. И мы добьемся его, этого действительного равенства, какой бы то ни было ценой. Горе тем, кто заградит нам путь к нему. Горе тому, кто станет противиться желанию, провозглашенному таким образом».¹

Немного далее говорилось:

«Мы готовы снести все до основания, лишь бы оно (равенство. — Х. М.) осталось у нас».

Как свидетельствует Буонарроти, тайная директория под влиянием Бабефа решила не опубликовывать «Манифеста». Вместо него было напечатано и распространено краткое «Содержание учения Бабефа». Буонарроти сообщает, что тайная директория не одобрила содержащихся в «Манифесте» следующих выражений: «Если надо, пусть погибнут все искусства, лишь бы у нас осталось действительное равенство» и «Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на правящих и управляемых». Наличие этих выражений в «Манифесте» свидетельствует, что Марешалю не удалось полностью преодолеть руссоянское отношение к культуре, а также свои более анархические взгляды на государство. Можно полагать, что были и другие причины, которые заставили отказаться от опубликования «Манифеста». Так, в «Манифесте» акцентировалось упразднение частной собственности лишь на землю, и ничего не было сказано о других формах частной собственности, в то время как в «Содержании учения Бабефа» было записано: «Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления».²

В остальном «Манифест» правильно выражал принципы бабувистского движения и должен рассматриваться как важнейший теоретический документ заговора равных.

Идеи, изложенные в «Манифесте», Марешаль пропагандировал и в своих песнях.

В дни организации заговора большой популярностью пользовалась написанная Марешалем «Новая песнь для предместий»:

«Лишенный хлеба и огня,
Лишенный прав, судьбу кляня,
Страдаешь ты, народ разбитый,
А злой и наглый богатей,
Возросший добротой твоей,
Смеется над тобой открыто.
Деньгой набитый новый люд,
Забыв нужду, заботы, труд,
Прибрал к рукам медовый улей
И ты, трудящийся народ,
Раскрой, голодный шире рот,
Как страус, жри свинец и пули.

¹ Ф. Буонарроти, Грах Бабеф и заговор равных, 1923, стр. 70.

² Там же, стр. 182.

Тень Грахов воззови в сей день,
Публиколы и Брута тень.
Героев, потрясавших троны,
Трибун отважный, поспеши!
Мы ждем. И миру запиши
Святого равенства законы*.¹

Далее Марешаль саркастически бичует контрреволюционную послетермидорианскую республику:

„Два бесталанных Совета,
Пять директоров, постоянно вздрагивающих
При одном упоминании о пике;
Обхаживаемый и балуемый солдат,
Раздавленный демократ:
А вот и Республика“.

Идея равенства пропагандировалась и в другой песне, принадлежащей перу Марешаля. Приводим неполный текст этой песни:

„Гнусные законы слишком долго
Подчиняли человека человеку;
Да погибнет господство злодеев!
Отдадим себе, наконец, отчет в нашем положении.

Восстаньте на наш клич	} Припев.
И выходите из глубокого мрака,	
Народы, верните себе свои права.	
Солнце светит одинаково для всех.	

Ты сотворила нас для того, чтобы мы были равными,
Природа, наша мать-благотельница!
Зачем же существует убийственное неравенство
Имущества и труда?

Восстаньте, и пр.

Именем законов и учреждений
Прикрывается ужасный разбой;
Добродетель клеймится кличкой преступления,
А грабеж называется необходимостью.

Восстаньте, и пр.

Народы, прервите древние чары
Своего летаргического сна.
Ужаснейшим пробуждением
Внесите смятение в лагерь счастливого преступления.
Прислушайтесь к нашему зову
И выходите, и пр.²

Деятельность Марешаля не ограничивалась пропагандой идей бабуизма. Как один из вождей заговора Марешаль занимался практи-

* Цит. по книге Мориса Доминже „Бабеф и заговор равных“, 1925, стр. 40.

¹ Бабеф, Учение равных, 1907, стр. 85—87.

ческими задачами подготовки восстания, вплоть до вопроса об оружии.

Тщательно подготовленное восстание провалилось вследствие предательства Жоржа Гризеля. 21 мая 1796 года Бабеф и его соратники были арестованы. Марешаль, как и Дебон, избежал ареста вследствие того, что при Гризеле их фамилии не были произнесены. Следует отметить, что Марешаль не проявил достаточного мужества для публичной защиты своих единомышленников, как это было, например, сделано Лепеллетье, Пашом и другими. Он не принял участия также в попытке поднять к восстанию войска Гремельского лагеря (23 августа 1796 г.).

Вплоть до своей смерти Марешаль тщательно скрывал свое причастие к „заговору равных“. Ни в одной из своих последующих работ он ни единым словом не упоминает о Бабефе. Имя последнего мы не находим также в „Словаре атеистов“ Марешаля.

Разгром бабувистского движения и последовавший за ним рост политической реакции имели деморализующее влияние на Марешаля. Он отошел от практической политической борьбы и посвятил остаток своей жизни литературной деятельности, преимущественно направленной против нового подъема могущества церкви и роста влияния религии в эпоху консульства и империи Наполеона I.

Марешаль один из первых, если не первый, распознал в лице генерала Бонапарта будущего Цезаря и заговорил об этой опасности.¹ Но дальше констатации факта он не пошел. С глубокой тоской он наблюдал, как контрреволюционная буржуазия шаг за шагом уничтожала демократические завоевания народных масс, как стонал под игом буржуазии обманутый и разбитый пролетариат.

Пользуясь последними остатками свободы печати, он пытался противодействовать возрождению религиозного мировоззрения.

* * *

Антирелигиозные произведения Марешаля, как одного из представителей демократического течения во французском атеизме XVIII в., представляют очень большой интерес. Развивая тенденции атеизма Мелье, Марешаль еще в своих дореволюционных работах увязывал критику религии не только с критикой феодального строя, но часто и с разоблачением социального неравенства, с разоблачением угнетения бедных богатыми. Одно уже это обстоятельство должно определять повышенный интерес марксистского историка атеизма к трудам Марешаля.

В своих дореволюционных работах Марешаль предвосхитил ряд крупнейших мероприятий будущего Национального конвента в области борьбы против религии и церкви.

Так, в произведении „Le livre de tous les ages ou le Plibrac moderne“

¹ „Correctif à la gloire de Bonaparte ou lettre a ce général“. Venis, l'an V.

(1779) Марешаль развил целый ряд идей, которые предвосхитили культ разума и явились его черновым наброском. Уже в эти годы Марешаль увлечен идеей создания дворца „добрых нравов“. Он дает описание этого будущего дворца, напоминающего Собор парижской богородицы 1793 г., когда эта национальная „святыня“ была превращена в храм Разума. По описанию Марешаля, на алтаре стоит мраморная статуя Добродетели. Здесь же выставлены бюсты мудрых людей народа, их высказывания и биографии. На „молениях“ читаются высказывания мудрецов и их жизнеописания. Вместо псалмов поются гимны в честь Добродетели. Каждый день года посвящен тому или иному мыслителю. Марешаль в своей книге поместил сочиненный им гимн добродетели.

Если в работе „Le livre de tous les ages“ Марешаль развил идеи, легшие в основу будущего культа Разума, то в работе „Almanach des honnêtes gens“ („Альманах честных людей“), вышедшей в 1788 г., он предвосхитил основные идеи республиканского календаря, введенного Национальным конвентом. В своем „Альманахе“ Марешаль заменил имена „святых“ грегорианского календаря именами „честных людей“: Демокрита, Аристотеля, Шекспира, Кампанеллы, Декарта, Спинозы, Вольтера, Гельвеция, Руссо и других мыслителей.

На „равных правах“ Марешаль в „Альманахе“ предоставил место Моисею, Христу и Магомету. Марешаль установил новое летосчисление. 1788 год, год выхода „Альманаха“, он обозначил первым годом царства Разума. В „Альманахе“ были переименованы месяцы. Каждый месяц был разделен на три декады. Последние 5—6 дней года были названы „Энагоменами“. В эти дни должны были организовываться празднования, посвященные Любви, Бракосочетанию, Признательности, Дружбе и Великим Людям.

„Альманах“ Марешаля вызвал целую бурю. В этом „нечестивом“ произведении реакционеры справедливо усматривали не только общие нападки на религию и церковь, что было уже обычным явлением в конце XVIII века, но и практический шаг, направленный к разрушению религиозного культа.

Особое внимание реакционеры уделили тому обстоятельству, что Моисей, Христос и Магомет перечислялись в „Альманахе“ как равнозначные величины. В этом было предусмотрено стремление к свободе вероисповедания, что для господствующего католического духовенства было, может быть, страшнее, чем десяток других трактатов, направленных против тех или иных доказательств бытия бога.

В письме к советнику парламента один из „верных сынов“ церкви писал об „Альманахе“: „Я испытал те же чувства, что и Вы. Имя Иисуса Христа перечисляется вместе с именами Парацельса, Спинозы, Сен-Евремона; вместе с именами Вольтера, Пирона, Буланже, Коллинза, одним словом, с именами тех, которые вызывают смуту и в принципах

и в поведении людей. Что может быть более возмутительным¹.

7 января 1788 г. по докладу аббата Тандо парламент осудил „Альманах“ и вынес решение об аресте Марешаля. Чтобы основательно опозорить философа в глазах общественности, его посадили в Сен-Лазар, где содержались преступники против общественной нравственности.

Марешаль просидел в Сен-Лазаре четыре месяца, после чего был выслан из Парижа.

В дальнейшем „Альманах“ в дополненном и измененном виде переиздавался неоднократно и послужил, как было сказано выше, прообразом республиканского календаря.

Многое из того, что наметил Марешаль в своем „Альманахе“, не нашло отражения в республиканском календаре. Известно, что в последнем имена месяцев были обозначены не так, как их обозначал Марешаль. Однако как „Альманах“, так и республиканский календарь преследовали одну и ту же цель: отменой старого грегорианского календаря нанести удар по религии, попытаться искоренить ее из быта. Еще раньше, в 1781 г., появилась одна из самых интересных работ Марешаля, „Fragments d'un poeme moral sur Dieu“ („Фрагменты моральной поэмы о боге“). В дальнейшем это произведение переиздавалось под заглавием „Le Lucrèce français. Fragments d'un poème“ („Французский Лукреций“). Можно без преувеличения сказать, что поэма Марешаля является одной из самых воинствующих среди атеистических произведений французского просвещения XVIII века.

Безоговорочно и открыто Марешаль отвергает спиритуалистическое (идеалистическое) мировоззрение, обрушивается на все формы религии, разоблачает паразитическое духовенство, его моральный облик, его антинародную, антикультурную роль. В „Fragments“ можно найти все основные мотивы материализма и атеизма Марешаля. Целый ряд идей, высказанных в этой поэме, в дальнейшем лег в основу специальных антирелигиозных работ Марешаля.

„Французский Лукреций“ является основным философско-атеистическим произведением Марешаля. Мы уже отмечали, что все симпатии Марешаля на стороне материалистической философии своей эпохи. В духе этой философии он и разрешает вопрос об отношении мышления к бытию. Материя первична и вечна. Все существующее существует как форма материи.

В своем вечном развитии материя порождает все неисчислимое богатство форм.

„Для того чтобы быть,—пишет Марешаль,—разве мир нуждается в хозяине? Вот этот сосуд был глиной, прежде чем попасть в руки горшечника, ибо материал предшествует форме и рабочему. Если природа существует,—она возникает из самой себя. Ее форма может

¹ H. Monin, L'Etat de Paris en 1789. Etudes et documents sur l'ancien régime, Paris 1889, p. 221.

меняться, но она вечна. Если, получая все от самого себя, мир не имеет творца, он в то же время сам является своим двигателем".¹

Материалистическому воззрению Марешаля не чужды отдельные элементы диалектики. Он, правда, в смутной форме, предугадывает развитие мира через борьбу противоположностей.

„Все неизбежное,—пишет Марешаль,—все существующее подвержено постоянным изменениям. В разное время материя, различно расположенная, произрастает в растениях; в человеке живет мысль. Все привлекает друг друга, все друг друга толкает. И в одном и том же объекте мы видим в одно и то же время и первопричину, и следствие. В своем собственном развитии природа воздействует на самоё себя и непрестанно принимает все новые формы. Элементы одновременно родственные и противоположные стремятся к одинаковой цели противоположными путями".²

Всю силу материалистической философии Марешаль обращает против идеи бога, против религии.

Если материя вечна, если она постоянно движется и развивается по имманентным, самой материи присущим законам, то идея бога теряет всякое разумное значение. Эта идея—не более как фикция, химерическое понятие, возникшее в те отдаленные времена, когда человечество находилось на низкой ступени своего развития. Правильное понимание материи делает излишним понятие бога. Полемизируя с теистом, Марешаль пишет:

„Выбирай, или вселенная сама является своим двигателем, или же бесконечный бог также имеет свою причину.

Нет,—отвечает теист,—существуя сам по себе, необходимый и абсолютный верховный распорядитель, богатый своей внутренней сущностью, бесконечный в своем могуществе, дает существование всему, не получая существования ни от кого.

Непоследовательный теист, почему ты не относишь эти качества к материи?

Бог, которого ты с такими усилиями привлекаешь, удваивает мрак, который нужно было рассеять. И почему Вселенная—это великое все, полная жизнью, не могла бы существовать своей собственной энергией? Знаешь ли ты материю и ее свойства? Она пассивна и безжизненна лишь в твоих помутневших глазах.

Близорукий доктор, прежде чем судить о материи и давать ей творца, нужно было познать ее".³ Природа едина и бесконечна. Вне и над ней нет и не может быть никакой силы, никакого существа.

В поэме Марешаля природа в следующих словах отстаивает свои prerogatives:

„Кто этот творец, эта первопричина, этот всевышний, всеблагой

¹ „Le Lucrèce français. Fragments d'un poème". par Sylvain Maréchal, Paris, Гал VI, p. 32.

² Ibid., p. 29.

³ Ibid., p. 33.

бог, который будто бы народил меня? Когда и где я обязана ему этим благодеянием? Кто он таков, который сотворил все из ничто?

Моя мощь, правда, граничит с существованием, но я датирую свои права от вечности. Я есть и буду, ибо я всегда была. Нет ничего вне меня, я заполняю собой все пространство. Я есть все. Кто такой бог? Что это за существо, желающее превзойти меня? Бог все та же природа, лишь под другим именем. В своем безрассудном сознании, о невежественный смертный, почему ты захотел различить меня от меня самой? Природа едина, почему давать мне творца, который сам исходит из моего лона? Почему искать в кругу начало и конец? Вернись, неблагодарное, забывшее свою мать, дитя! Вернись к природе и рассеяй свои химеры¹.

Нетрудно видеть, что в критике религии Марешаль отталкивается от атеизма Дидро и Гольбаха. Теоретической основой этого атеизма является все тот же просветительный, метафизический материализм XVIII века. Однако атеизм Марешаля имеет своеобразный колорит, своеобразную направленность. Это своеобразие выражается в том, что атеистическое учение Марешаля тесно переплетается с радикально-демократическими социальными и политическими взглядами философа. Это обстоятельство во многом роднит атеизм Марешаля с плебейским атеизмом утопического коммуниста Мелье.

Критика религии в работах Марешаля исходит из критики не только феодального строя, как это преимущественно было у Дидро и Гольбаха, но и всякого эксплуататорского общества.

Уже самое возникновение религии Марешаль преимущественно связывает с возникновением социального неравенства. Не случайно также, что, как увидим ниже, он, не отказываясь от просветительной теории возникновения религии как результата сознательного обмана, вместе с тем придает огромное значение чувству страха как источника религии. „Страх породил богов“. Это старое утверждение античного атеизма пронизывает все учение Марешаля о возникновении религии. При этом Марешаль имеет в виду не только страх людей перед стихийными силами природы, но и перед силами неразумного, несправедливого общества, где существуют богатые и бедные, господа и слуги.

Религия не всегда существовала, — утверждает Марешаль. „Бесспорно, было время, называемое „Золотым веком“, когда человек в лице природы имел своего единственного бога“².

В одной из своих последних работ Марешаль, подтверждая эту мысль, писал:

„Бог не всегда существовал. Было время, когда человек, живя в семье и для семьи, не знал другого авторитета, кроме авторитета своего отца... его рука и сердце составляли все его богатство и все его радости. Не подозревая о существовании чего-нибудь над звездным

¹ „Le Lucrèce français“, p. 36.

² Ibid., p. 45.

сводом неба и под плодородным покровом почвы, которую он обрабатывал, человек того времени жил, не зная ни наук, ни пороков, ни социальных добродетелей, ни преступлений. Он жил в полной простоте, тесно слившись с природой. В те времена человек, ограниченный в своем кругозоре только поверхностью земли и неба, не имел и не мог иметь ни малейшего представления о какой-нибудь другой силе, кроме той, которая его породила и вырастила. Разве человек думает о том, в чем он совершенно не нуждается? И разве ощущаешь необходимость в боге, когда имеешь отца, жену, детей, имеешь руки, глаза, сердце".¹

В Золотом веке, когда не было ни слуг, ни господ, религия была ненужна, ибо люди разны и не требовалось кого-либо поработить с помощью религиозных измышлений.

„Бог,—заявляет Марешаль,—порождение человеческого несчастья... Никто не подозревал о существовании бога, когда жили счастливо, когда довольствовались только семейной жизнью".²

Но когда исчезло первоначальное равенство людей, возникло гражданское общество, появились угнетатели и угнетенные, была вымышлена религия как средство обмана и порабощения. В своей поэме „Французский Лукреций" Марешаль описывает возникновение религии следующим образом:

„Объединенные семейства под общей кровлей жили некогда, как друзья. Крик интереса (корыстолюбие) нарушил эти нежные узы. Из друзей люди превратились в граждан. Среди них наиболее дерзкий возглавил их. Его равные, порабощенные на основании права завоевания, увидели в нем хозяина, а вскоре и деспота. Некоторые, оскорбленные и дорожающие своим общественным положением, начали роптать и с большим опозданием апеллировать к законам природы. „Замолчите, бунтовщики!—крикнул им один обманщик.—Трепещите, существует бог. Он защитник королей. Небо является его местопребыванием, мир его творением... Это он ставит королей, повинуйтесь".³

Марешаль, как и все остальные просветители XVIII века, не поднялся до понимания религии как общественной формы сознания, как продукта определенных социально-экономических отношений. Он вслед за Вольтером, Дидро и Гольбахом считал религию выдумкой власти имущих. Но многозначительным и важным является уже то обстоятельство, что, в отличие от других просветителей, Марешаль связывает возникновение религии не с наличием лишь деспотов и священников, а с наличием эксплуататоров и эксплуатируемых вообще, с существованием частной собственности, социального неравенства.

К этому тезису Марешаль вновь возвращается в одной из более поздних своих работ („Correctif à la révolution").

¹ „Dictionnaire des athées anciens et modernes, par Sylvain M., l'an VIII, pp. 1—IV.

² Ibid., p. VII.

³ „Le Lucrèce français", pp. 37—38.

„Установление гражданского общества,—пишет он,—породило религию“.¹

Нужно помнить, что под гражданским обществом Марешаль понимал эксплуататорское общество, где нет социального равенства, где незначительная каста людей порабощает народные массы. Религия не только возникла в результате гибели счастливой жизни людей в „Золотом веке“, но и продолжала существовать вследствие глубокой неудовлетворенности человечества условиями своей жизни на земле.

„Уже много веков,—пишет Марешаль,—как народы почти всех стран не удовлетворены своей судьбой. Они ждут помощи от сверхъестественного существа, которое должно спуститься на землю, чтобы изменить или, по крайней мере, улучшить здесь положение вещей.“² ...Евреи все еще думают о своем Моисее. Христиане верят во второе пришествие Иисуса в грозном образе строгого и неумолимого судьи“.

Если Дидро и Гольбах, разоблачая политическую роль религии, подчеркивали главным образом услуги, оказываемые религией деспотизму, то Марешаль ставит вопрос значительно шире. Он вскрывает связи религии с богатыми, с эксплуататорами вообще. Он обрушивается на религию за оправдание ею социального неравенства, за оправдание порабощения человека человеком.

„Это религии люди обязаны наличием унижительного неравенства состояний, которое они малодушно терпят в своей среде“³—гневно заявляет Марешаль.

Немного далее он пишет: „Религия есть не что иное, как оправдание великой несправедливости, которая уже множество веков и почти всегда подчиняет свыше $\frac{3}{4}$ людей горсточке им подобных. И нужно сказать, что это утверждение справедливо не только по отношению к монархическому строю“.⁴ Читая строки Марешаля, разоблачающие политическую роль религии, следует иметь в виду, что термин „деспотизм“ он понимает в самом широком смысле слова. Деспотами он называет не только абсолютных монархов, но и богачей, власть имущих вообще, которые держат в повиновении бедняков.

„Рабу говорят: чем больше ты будешь страдать на земле, тем более будешь наслаждаться на небе. Позволь себя связать, высечь, колесовать, истощай свою жизнь на службе тиранов. И чем более будет безропотным твое повиновение здесь на земле, тем более великим будет торжество, которое готовится для тебя на небесах. Счастливы те, которые один миг плачут на земле, ибо вечно будут смеяться на том свете“.

Эту убийственную характеристику морали христианства (и не только христианства) Марешаль заканчивает словами:

¹ „Correctif a la révolution“, Paris 1793, l'an II de la République, p. 290.

² Ibid.

³ Ibid., p. 173.

⁴ Ibid, p. 290. (Разрядка наша.—Х. М.).

„Позор! Нашлись рабы, которые не распознали этот неуклюжий обман“.¹

Марешаль вплотную подошел к пониманию религии как опиума народа. В предисловии к „Словарю атеистов“ он пишет:

„Один современный законодатель² осмелился сказать в дружеском разговоре: „Трем с лишним четвертям всего человечества следует давать только опиум“.

Пусть эти слова рассеют ваш долгий сон! Это более чем правда. Людьми управляли до сих пор, давая им сильные снотворные средства, религиозные и другие“.³

Немного далее Марешаль замечает, что государство довольно, когда толпа постоянно смотрит на небо, ибо в это время она не замечает того, что происходит на земле. Мысль о боге, вознаграждающем в том мире за мучения, перенесенные здесь на земле, давно запечатлелась в умах управляемых. Для правителей эта мысль служит мягкой подушкой для отдыха.⁴

Один из главных аргументов, выдвигаемых Марешалем против бытия бога, это существование зла на земле, и в частности—социального зла. „Если бы был бог,—пишет Марешаль,—счастливые дни золотого века еще сияли бы, конечно, на неутешной земле... А теперь под взором бога порок облагоражен, а мудрый, одинокий прозябает в забвении... А теперь под взором бога все направляется корыстью, а скромная добродетель внушает отвращение! ...Если бы был бог, разве столько грязных фанатиков шатались бы, точно шарлатаны, на наших площадях и продавали бы его именем свои талисманы, заглушали бы разум людей своими измышлениями, обманывали бы слишком доверчивый народ, заставляли бы его ползать у своих ног в страхе наказаний? ...Если бы был бог, разве преступный богатый смел бы измерять наглым взором подавленного праведника, мудреца, которому оружием служат лишь собственное сердце, невинность и слезы?“

Бедствия и страдания народных масс—вот что, согласно Марешалю, заставляет отрицать существование бога и проклинать это слово.

„Легко верит он в бога, этот беспечный Мидий, он переходит от стола до кровати и обратно по ковру из роз без шипов. Он хорошо оплачен за свою веру в доброту бога. Он не видит зла. Все хорошо в его глазах, и он никогда не знал ни одного несчастного.

Но меня, близко стоящего к отверженным, беспомощного свидетеля бедствий мне подобных, меня охватывает нечестивый гнев, и если я думаю о боге, то лишь с тем, чтобы его проклинать“.⁵

Наиболее развращающую роль религии Марешаль видит в том, что она обезволивает человека, заставляет его преклонить голову

¹ „Correctif a la revolution“, pp. 175—176.

² Приер.

³ „Dictionnaire“, pp. XLIX—L.

⁴ Ibid., p. LIII.

⁵ „Le Lucrèce français“, p. 61.

перед злом, примириться со своими бедствиями, со своими господами.

„Нет,—говорит Марешаль, обращаясь к человеку, опутанному религиозными измышлениями,—ты не рожден для рабства. Подыми, наконец, свою голову и разбей свои оковы. Вновь овладей своим достоинством, смертный! Открой глаза. Без содрогания обрати свой взор к небесам. Там нет господина, вооруженного молнией, и готового в гневе своем испепелить тебя. Вне этого мира существует лишь небытие“.

Апеллируя к угнетенному человеку, Марешаль пишет: „Вставай, уважай себя, познай, что тебе надо. Подымись, человек, стань в позу господина. Не преклоняйся перед богом. Ты имеешь только равных себе“.

Свобода не совместима с религией. Идея бога—рабская идея.

„Для чего нам искать господина в небесах,—пишет Марешаль,—мы без того достаточно имеем господ на земле“.¹

В противовес религиозному принижению человека Марешаль в духе классического гуманизма возвышает человека на недостижимую высоту. Человек—высшее существо. Он выражает все величие природы. В лице могучего бога человек преклоняется перед своим собственным могуществом. „Человек,—пишет Марешаль,—сказал: „сотворим бога по образу и подобию нашему“. Бог был создан, и человек преклоняется перед своим творением“.

„Народ,—пишет Марешаль,—всегда творил своих богов соответственно своему образу“.² „Боги неба—всегда дети земли“.³

На вопрос, что такое бог, Марешаль отвечает: „Смертные, подойдите без страха, осмелитесь хладнокровно созерцать изображение, которому скульпторы, по велению ловких попов, придали нужные черты. В храме вы созерцаете лишь свои собственные изображения“.

Хвала, воздаваемая какому-то старцу и какому-то младенцу,—это хвала в вашу честь. О, смертные, какое торжество вашей гордости! Ладан, который вы сжигаете, вы сжигаете перед своими изображениями“.

* *

И Дидро и Гольбах не переставали думать, что атеизм может и должен стать достоянием лишь верхушки народных масс. На вопрос, можно ли вытравить у целого народа его религиозные представления, Гольбах отвечал, что „подобная вещь кажется совершенно невозможной и что не ее следует ставить своей целью“. Атеизм, думал Гольбах, подобно философии и всем серьезным, абстрактным наукам, не по плечу толпе и даже большинству людей. „Поэтому,—писал

¹ „Le Lucrèce français“, p. 65.

² Ibid.

³ Ibid.

Гольбах,—не для толпы должен писать или предаваться размышлениям философ¹.

Еще в дореволюционный период своего творчества Марешаль, как представитель плебейско-демократического атеизма, исходил из совершенно иных принципиальных позиций. Высвободить из пут религии следует народ в целом, ибо все в первую очередь следует делать для счастья народа.

„Чтобы поднять народ,—пишет Марешаль,—нужно спуститься к нему... чтоб рассеять его химеры²“. Опровергая мысль, что для обуздания народа нужна религия, Марешаль писал: „Для чего вечно лгать. Заблуждение никогда не полезно. Разве, идя по пути порока, приходят когда-либо к добру? Прекратим этот подлый обман. В нашу эпоху уже время поднять народ на ступень людей“.

Это утверждение Марешаля, естественно, связано с его социально-политическими взглядами, о которых было сказано выше. Народность атеизма Марешаля должна была в период революции привести его в лагерь политических борцов против религии. И действительно, в лице Марешаля просветительский материализм и атеизм соединились с практической революционной деятельностью, направленной на преодоление религии. В годы революции Марешаль не только писал воинственные антирелигиозные произведения, но и принимал, в отличие, например, от Пэжона, самое активное участие в борьбе против контрреволюционного духовенства, в борьбе за уничтожение религии. Из номера в номер в газете „*Révolutions de Paris*“ Марешаль разоблачал монархическую поповщину, ее связи с аристократией, с зарубежной контрреволюцией, ее демагогические маневры, преследовавшие задачу мобилизации масс на борьбу против нового, социального порядка.

В 1790 г. в целом ряде городов вспыхнули серьезные мятежи, организованные аристократией и духовенством. Марешаль, не полагаясь на готовность буржуазного Национального собрания, беспощадно расправился с церковно-дворянской контрреволюцией, пытался поднять народные массы против монархического духовенства, его покровителей и пособников. Непосредственно апеллируя к крестьянству, Марешаль пишет: „Ночные птицы испускают крик при виде лучей факела. Они чувствуют себя хорошо там, где мрак. Яркий дневной свет поражает их. То же самое происходит с попами. Они являются теми опасными гостями, которые катят яблоко раздора везде, куда их допускают. Горе народу, который медлит с ними и который в первые моменты своего восстания останавливается на полпути своего правосудия. В революционное время правосудие народа должно быть оглушительным и быстрым, как молния. Необходимо, чтобы все го-

¹ Поль Гольбах, Система природы, 1940, стр. 427.

² „Le Lucrèce français“, p. 43.

ловы, упрямо возвышающиеся над народом, который признает только равных, были сражены..."¹

Еще до революции мечтавший о замене христианского культа атеистическим культом Разума, Марешаль, когда наступило время для осуществления этой давнишней мечты, с неиссякаемой энергией приступил к делу. Он написал много статей в защиту нового культа, разрабатывал до мельчайших подробностей вопросы оформления храмов Разума, организации торжеств, порядок церемоний и т. д. Им был сочинен целый ряд гимнов в честь Разума, которые пользовались популярностью среди парижан.²

Марешаль написал также текст оперы „Праздник Разума“, которая успешно шла на сцене. Важно отметить, что, в отличие от многих последователей нового культа, Марешаль не вкладывал в нее никаких мистических и деистических представлений. Культ Разума был для него вполне атеистическим мероприятием, созданным для окончательного вытеснения всякой религии и христианства в особенности.

* * *

Марешаль, как было сказано выше, принимал самое деятельное участие в антирелигиозной политике Парижской коммуны. За неимением достаточных данных трудно ответить на вопрос: был ли согласен он также с ошибочным постановлением Парижской коммуны, запрещавшим отправление религиозного культа. Есть некоторые основания думать, что Марешаль не склонен был симпатизировать насильственной борьбе против религии.

Во всяком случае, если не в годы якобинской диктатуры, то немного позже, Марешаль проявил глубокое понимание принципа свободы совести в его революционно-атеистической трактовке. Так, в предисловии к „Словарю атеистов“ он дал следующее замечательное по своей глубине определение свободы совести:

„Будучи по природе и принципиально людьми терпимыми, — писал Марешаль, — атеисты хотели бы, чтобы правительство какой-нибудь большой нации, установив законом свободу вероисповеданий, заставило, тем не менее, почувствовать нелепость и ошибки всех этих верований...“

Другой вопрос, по которому Марешаль бесспорно расходился с Эбертом и эбертистами, был вопрос о Христе.

Известно, что Эберт и многие его сторонники не только не сомневались в существовании Христа как исторической личности, но считали его революционером, вождем санкюлотов своей эпохи.

Первоначально и Марешаль разделял эту точку зрения. В „Alma-

¹ „Le Lucrèce français“, p. 48.

² „Recueil d'hymnes, stances et discours en l'honneur de la déesse de la Raison“, Paris. Сборник вышел в 1793 г.

nach des républicains" (1793) мы читаем следующую характеристику Христа, данную Марешалем: „Этот еврей был присужден к смерти аристократами и духовенством за попытку организации религиозного восстания среди иерусалимских санкюлотов. Своей деятельностью он дал повод возникновению пословицы, согласно которой никто безнаказанно не может быть пророком в своей стране. Простим Иисусу Христу шарлатанство в жизни за его смерть, которая была довольно благородной“.¹

Однако уже в одной из последующих работ,² которая вышла анонимно в 1794 г., Марешаль не только поставил под вопрос существование Христа, но попытался дать научную трактовку возникновению образа Христа. Знаменательно уже одно название книги — „Разоблаченная басня о Христе“. В этой замечательной по многим отношениям работе Марешаль пытается доказать преемственную связь между сказаниями о Христе и мифами греческой религии и культами восточных умирающих и воскресающих богов. Христианство, согласно Марешалю, есть не что иное, как модифицированный культ Бахуса (Диониса). Марешаль следующим образом объясняет смысл слова „евангелие“: „Eva“ означает жизнь, а „Ellis“ — прозвище Юпитера. Отсюда „evangelis“ — „жизнь Юпитера“. Прообразом Юпитера Марешаль считает Озириса.

В этих рассуждениях Марешаля очень много произвольного, неверного и надуманного. Но, однако, ценным и правильным является одна уже попытка рассмотреть образ Христа как нечто производное от более ранних культов. Это означало отказ не только от традиционных церковных сказок о Христе, но и, по существу, отрицание Христа как исторической личности. Хотя и в работе „La Fable de Christ dévoilée“ нет ссылки на имя Вольнея, но можно полагать, что Марешаль в данном случае, — правда, в значительно преобразованном виде, — отстаивал взгляды, изложенные Вольнеем о Христе в произведении „Руины или размышления о революциях империи“. Известно, что это классическое антирелигиозное произведение, где автор выступил с отрицанием исторического существования Христа, появилось в 1792 г. — на два года раньше рассматриваемой книги Марешаля.

Гибель эбертистов была страшным ударом для Марешаля. С арены сошли люди, не только отстаивавшие левые принципы, но и ведущие решительную борьбу против религии. С казнью вождей Парижской коммуны начиналась реакция против атеизма. Антирелигиозные пьесы Марешаля были сняты со сцены. Для спасения своей собственной жизни Марешаль был вынужден „оправдать“ казнь эбертистов, а когда Робеспьер декретировал культ Верховного существа, — насиловать свою совесть, написать гимн в честь этого божества. Не

¹ Almanach des républicains pour servir à l'instruction publique. Paris 1793, p. 40.

² La Fable de Christ dévoilée ou lettre du muphti de Constantinople Jean Ange Braschy, muphti de Rome. Paris, l'an II de la République.

трудно представить, как остро в этот период Марешаль ненавидел Робеспьера.

После термидорианской реакции Марешаль, перешедший на позиции революционного коммунизма Бабефа, отдавал все свои силы подготовке заговора, разработке теоретических принципов бабувизма, созданию новых революционных песен для народа и т. д.

Естественно, в этих условиях у Марешаля было мало времени для писания работ исключительно с антирелигиозным содержанием. Это не означает, конечно, что он упускал возможность разоблачать враждебность религии делу социального освобождения человечества. Как в „Манифесте равных“, так и в революционных песнях Марешаля достаточно ярко выражена непримиримая вражда к религии и поповщине. Став на путь революционной борьбы за низвержение строя частной собственности, социального неравенства и угнетения человека человеком, бабувист Марешаль понимал, что осуществление этих идеалов положит конец религиозному обману и самообману.

После разгрома бабувистского движения Марешаль, как уже было сказано выше, отошел от практически-революционной деятельности и посвятил остаток своей жизни борьбе против религии. Провал организации „равных“ оставил глубокий пессимистический след в атеистическом творчестве Марешаля. В его произведениях появляются нотки примирения. Он старается показать безбожников мирными, безобидными людьми.

В этом отношении наиболее характерной является небольшая работа Марешаля, озаглавленная „Culte et lois d'une société d'hommes sans Dieu“ („Куль и законы общества безбожников“). Эта работа, вышедшая в 1798 г., являлась не чем иным, как уставом союза безбожников, который должен был организовать Марешаль. Многие в этом уставе внешне напоминает буржуазные теофилантропические общины, которые получили широкое развитие после Термидора. Однако, в отличие от теофилантропов, Марешаль не признает никакого бога, никаких сверхъестественных сил, ничего мистического. Вместе с тем в „Cult et lois“ мы находим следующие параграфы: § XX— „Вход с оружием воспрещается: безбожники—мирные люди“; § XV— „От членов общества безбожников требуется доказательство, что они никогда не проливали кровь“. § XCII обязывает членов союза безбожников, если вспыхнет гражданская война, выступить в роли примирителей между враждующими лагерями.

Эти уподобительные настроения значительно снижали значение поздних антирелигиозных произведений Марешаля, но на этом основании нельзя их игнорировать.

В 1800 г. вышло в свет известное произведение Марешаля „Словарь атеистов“, составленное при ближайшем участии известного астронома атеиста Жерома Лаланда. Реакционная буржуазия чрезвычайно враждебно встретила новую работу Марешаля.

В „Словаре“ Марешаль часто цитирует не только деистов, но

даже отцов христианской церкви. При этом он приводит те высказывания религиозного писателя, которые или противоречат религии, или же в той или иной степени задевают авторитет церкви и духовенства. Издавая свой „Словарь“, Марешаль пытался отвергнуть утверждения об аморальности и бесплодности атеизма, доказать обратное, — что все лучшие умы человечества в той или иной степени выступали против религиозных измышлений.

В предисловии к „Словарю“ Марешаль подверг критике ряд черт, характерных для буржуазного атеизма и для атеистствующих аристократов.

В 1800 г. Марешаль издал свой шеститомный труд „Voyage de Pythagore“.

За два года до смерти Марешаль выпустил объемистый труд под названием „Pour et contre la Bible“. Эта работа, в систематическом порядке разоблачавшая библейские легенды и христианскую мораль, была направлена против все возраставшего влияния религиозного мировоззрения, крупнейшим представителем которого в эту эпоху оказался Шатобриан.

„Плачевно видеть, — писал Марешаль о Шатобриане, — в XIX веке человека, молодого еще, который теряет свой талант на восхваление обедни и ладана, попов и иезуитов“.¹

Незадолго до смерти Марешаль покинул Париж и переехал в деревню Мон-Ру, где и скончался в 1803 г. Со смертью Марешаля сошел с арены человек, который с позиции мелкобуржуазного эгалитаризма пришел к революционному коммунизму Бабефа и стремился, хотя и не всегда по следовательно, преодолеть буржуазно-просветительскую ограниченность атеизма XVIII века.

Было бы неверно усматривать в лице Марешаля пролетарского атеиста, так же как смешивать бабувистский коммунизм, сторонником которого был Марешаль, с научным коммунизмом Маркса. Однако, бесспорно, что целый ряд положений, развитых Марешалем в критике религии, во многом знаменует собой отход от буржуазно-просветительского атеизма и приближение к пролетарскому атеизму.

¹ „Pour et contre la Bible“, par Sylva M***, Jerusalem 1801, pp. VIII—IX.